

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Дмитрий Дегтев, Дмитрий Зубов

БУДНИ СОВЕТСКОГО ТЫЛА

**ЖИЗНЬ И ТРУД СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Дмитрий Дёгтев

**Будни советского тыла.
Жизнь и труд советских
людей в годы Великой
Отечественной Войны. 1941–1945**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Дёгтев Д. М.

Будни советского тыла. Жизнь и труд советских людей в годы Великой Отечественной Войны. 1941–1945 / Д. М. Дёгтев — «Центрполиграф», 2016 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-06519-3

Тема «коренного перелома», произошедшего в судьбах миллионов людей в трагическом июне 1941 года, очень популярна в современных фильмах. Сюжеты всех картин жестко делятся на «до» и «после» 22 июня, когда вся жизнь героев в одно мгновение перевернулась. О том факте, что сообщения о начале тех или иных войн к тому времени стали уже привычными и повседневными, никогда не упоминается. Между тем именно этой «привычностью» во многом объясняются шапкозакидательские настроения начала войны. Извилистая «линия партии» и изменчивая сталинская пропаганда, в одночасье превращавшие вчерашних врагов в друзей и наоборот, настолько исказили реальность, что в сознании людей порой возникала полная каша. И даже сейчас, спустя 70 лет, трудно отделить пропагандистские штампы от реальности. В этой книге на основе многочисленных архивных документов, газетных публикаций и воспоминаний очевидцев впервые проанализирована работа советской пропагандистской машины, ее влияние на сознание людей и изменения в восприятии событий населением СССР с 1939 по 1945 год. Кроме того, впервые правдиво, без прикрас рассказано о том, как простые люди в разных уголках страны выживали в годы войны, об условиях их труда на военных заводах, в сельском хозяйстве и учреждениях, о трудностях быта, о том, как работали торговля, сфера обслуживания, медицина, жилищно-коммунальное хозяйство и транспорт. Также в книге развенчивается расхожий миф о том, что «при Сталине не было коррупции» и «воровать боялись», а преступность подняла голову лишь в послевоенные годы.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-06519-3

© Дёгтев Д. М., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
«Вражде кладется конец»	9
Призывники пели и плясали	13
Мир менялся на глазах	17
Глава 2	20
«Отвратительная гадина напала из-за угла»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Дегтев, Дмитрий Зубов
Будни советского тыла. Жизнь и труд
советских людей в годы Великой
Отечественной Войны. 1941–1945

© Дегтев Д. М., Зубов Д. В., 2016

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Предисловие

«12 часов 30 минут. Смолкли песни. Тишина. Все собрались слушать речь по радио товарища Молотова. Лица напряжены... На митинг, посвященный обсуждению речи главы Советского Правительства тов. В. М. Молотова, собралось свыше 3 тыс. человек. На площадь Революции организовано, стройными колоннами пришли колхозники и колхозницы, служащие предприятий и учреждений, рабочие МТС, ученики и учащиеся средних школ. С речами выступали представители партийных, советских, комсомольских организаций, представители интеллигенции, призывники...» Если читатель подумал, что речь идет о нападении нацистской Германии на Советский Союз, то он глубоко ошибается. Так советские СМИ описывали события 17 сентября 1939 года.

Тема «коренного перелома», произошедшего в судьбах миллионов людей в трагическом июне 1941 года, многократно освещалась в советском кинематографе и художественной литературе. Тема жизни людей на фоне довоенной, военной и послевоенной реальности очень популярна и в современных фильмах, в последние годы таковые буквально поставлены на поток. Но при всех отличиях между советским и российским кино их объединяет одно – схематичный подход, основанный на одних и тех же стереотипах. При всех внешних различиях сюжеты всех картин жестко делятся на до и после 22 июня 1941 года. Стандартная схема такая: живут люди мирно, строят планы, а тут бац – и речь товарища Молотова... И вся жизнь героев в одно мгновение переворачивается. О том факте, что сообщения о начале тех или иных войн к тому времени стали уже привычными и повседневными, никогда не упоминается.

Между тем именно этой «привычностью» во многом объясняются шапкозакидательские настроения начала Великой Отечественной войны. Извилистая «линия партии» и изменчивая сталинская пропаганда, в одночасье превращавшая вчерашних врагов в друзей и наоборот, настолько исказила реальность, что в сознании людей порой возникала полная каша. Это искажение, основанное на смеси правды и вранья, продолжалось и после 22 июня, вплоть до самой Победы. И даже сейчас, спустя 70 лет, порой трудно отделить пропагандистские штампы от подлинной реальности. Также ошибочным является разделение истории на «мирную» довоенную и «суровую» военную. Фактически Советский Союз жил на военном положении с конца 30-х годов, что подтверждается различными мероприятиями и «указами», постепенно и планомерно переводившими страну и народ на казарменное положение задолго до нападения Германии.

В этой книге на основе многочисленных архивных документов, газетных публикаций и воспоминаний очевидцев впервые проанализирована работа советской пропагандистской машины, ее влияние на сознание людей и изменения в восприятии событий населением СССР с 1939 по 1945 года. Кроме того, впервые правдиво, без прикрас рассказано о том, как простые люди в разных уголках страны выживали в тяжелейших условиях войны. Об условиях труда на военных заводах, в сельском хозяйстве и учреждениях, о трудностях быта, о том, как работали торговля, сфера обслуживания, медицина, жилищно-коммунальное хозяйство и транспорт.

Из культового фильма «Место встречи изменить нельзя» все мы слышали о том, что в послевоенные годы преступники «кое-где» подняли головы и «появились малины». Как будто до этого преступность в стране социализма была побеждена. Однако в действительности разгул криминала наблюдался в СССР еще в 30-х годах, а во время войны он приобрел еще большие масштабы. А правоохранительные органы, в особенности прокуратура и суды, вместо борьбы с бандитами и хулиганами, напротив, нередко проявляли к ним непонятный гуманизм и фактически поощряли рост преступности. При этом в громких уголовных делах порой фигурировали даже армейские части и офицеры. Также в книге развенчивается расхожий, но при этом

совершенно не подкреплённый реальными фактами миф о том, что «при Сталине не было коррупции» и «воровать боялись».

Глава 1

Станция «Западная граница»

«Вражде кладется конец»

В конце августа 1939 года все советские газеты опубликовали поистине сенсационную новость о подписании советско-германского договора о ненападении. Даже для привыкших ко всяким неожиданностям и крутым поворотам в политике партии советских граждан она была внезапной. Как снег на голову. Ведь до этого момента без малого шесть лет Гитлер и его фашистский режим преподносились чуть ли не как главные непримиримые враги социализма и всего человечества. И тут такой поворот! С чего бы это?

Дабы трудящиеся смогли вникнуть в суть происходящего, текст договора сопровождался подробными комментариями. «Выяснилось», что пакт возник не на пустом месте, а якобы являлся «последовательным продолжением» политики улучшения взаимоотношений между двумя странами, начатой аж в далеком 1922 году. Да и вообще, подписанный 23 августа договор является развитием договора о нейтралитете, заключенного между СССР и тогда еще веймарской Германией 24 апреля 1926 года.

«Десятилетний срок договора, устанавливаемый статьей VI-й, свидетельствует о том, что обе стороны проявляют стремление закрепить мирные отношения между обоими странами (так в тексте. – *Авт.*) на длительный период времени, – писала советская пресса. – Заключение договора между СССР и Германией является несомненным фактом крупнейшего международного значения, ибо договор представляет собой инструмент мира, призванный не только укрепить добрососедские и мирные отношения между СССР и Германией, но и служить делу всеобщего укрепления мира». В заключение партия сообщала, что вражде между Германией и СССР кладется конец. Опечатались, как говорится, по Фрейду! То, что вражде не положен, а именно кладется (что подходит скорее к пасущимся и попутно «кладущим» на поле коровам) конец, выяснится довольно скоро... Была в передовице «Правды» за 24 августа и еще одна весьма двусмысленная фраза, на которую по сей день никто не обращал внимания: «Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета». Во-первых, непонятно, какая именно дружба была загнана в тупик и кем? Если до этого шесть лет в газетах печатались карикатуры на фюрера, а опального Льва Троцкого даже объявляли чуть ли не союзником фашизма. А всего год-полтора назад газеты пестрели заголовками вроде «Суд над членами церковно-фашистской организации». Во-вторых, что это за «враги Германии и СССР»? Война еще не началась, никто ни на кого не нападал, а враги, оказывается, уже есть! Неужели редакция «Правды» уже 24 августа знала о готовящемся нападении Германии на Польшу? Или же Риббентроп все-таки шепнул на ушко Сталину, что «через неделю мы начнем войну с врагами»?

Но тогда, осенью 39-го, все это казалось не важным, а народ был настроен оптимистически. 1 сентября детишки пошли в школы, студенты в вузы, а их родители, как всегда, на работу: к станкам и тракторам. На полях Горьковской области продолжалась битва за урожай, а газеты публиковали ежедневные сводки об уборке хлеба в колхозах и районах. Тот факт, что именно в этот день весь мир перешагнул страшную кровавую черту между миром и смертоносной войной, остался, по сути, незамеченным. Только 3 сентября горьковские газеты сообщили о начале войны между Германией и Польшей. Что характерно, именно о «начале войны», а вовсе не о нападении Германии на Польшу! Ибо поляки сами «спровоцировали фашистов»,

издевались над немцами на «исконно немецких землях», «душили» Данциг, да и вообще вели себя вызывающе и враждебно.

А в подкрепление сказанного все центральные и областные газеты опубликовали полный (!!!) текст речи Адольфа Гитлера в рейхстаге 1 сентября. В коей новый друг советского народа фюрер не преминул указать, что Германия всегда выступала за мирное решение всех проблем, но разные «плохие дяди» всячески игнорировали ее мирные инициативы, злили и провоцировали. Тем самым не оставив мирным фашистам иного выхода, кроме как напасть на Польшу. Далее Гитлер пояснил, что противостояние между СССР и Германией может быть выгодно только «третьим странам». «Германо-советский пакт поэтому определенно исключает применение силы между двумя странами, – цитировала фюрера газета. – Я полагаю, что германский народ будет приветствовать эту позицию, так как Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне и обе оказались жертвами мировой войны. Этого не случится во второй раз».

В первые дни сентября мир еще не знал, что такое молниеносная война. Посему первые сообщения очень напоминали события 25-летней давности, августа 1914 года.

«Польское телеграфное агентство опубликовало следующее правительственное коммюнике:

«Вчера германские сухопутные и воздушные силы совершили агрессию в отношении Польши на всем протяжении польско-германской границы. В своей вчерашней речи канцлер Гитлер объявил о начале войны. Польский народ принимает эту войну согласно своей вековой традиции», – передавало ТАСС. Одновременно с этим сообщалось о том, что ряд стран, как то: Бразилия, Куба, Швеция, а также Эстония, Латвия и Литва – заявили о своем нейтралитете «на время войны между государствами в Европе».

Между тем, несмотря на официальные заявления о том, что после заключения договора о ненападении мы получили мир, именно с этого момента СССР, напротив, стал усиленно готовиться к войне.

1 сентября, когда танки вермахта уже давили польские пограничные столбы, Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности». В принципе, таковая уже существовала, только с некоторыми оговорками, поэтому историки зачастую не придают этому факту существенного значения. В действительности же закон, проект которого был подготовлен наркомом обороны маршалом Климентом Ворошиловым, практически разделил историю Советского Союза и Красной армии на до и после 1 сентября. Статья 132 сталинской Конституции 1936 года гласила: «Воинская служба в Рабоче-крестьянской Красной армии представляет почетную обязанность граждан СССР». В то же время в статье № 1 старого закона «О всеобщей воинской обязанности» говорилось: «Оборона Союза ССР с оружием в руках осуществляется только трудящимися. На нетрудовые элементы возлагается выполнение иных обязанностей по обслуживанию обороны Союза ССР».

Учитывая довольно расплывчатое значение слова «трудящиеся», военные комиссариаты порой не были уверены, кого именно можно и кого нельзя призывать в армию. Получалось, что для освобождения от «почетной обязанности» достаточно было уволиться с завода и пойти торговать на базар или, скажем, заняться бродяжничеством и попрошайничеством. Теперь же Красная армия из собственно «рабоче-крестьянской» трансформировалась просто в армию.

Кроме того, согласно правилам, на военную службу призывались молодые люди в возрасте 20–21 года. Минимальный возраст призывника составлял 19 лет 8 месяцев. К этому времени многие юноши уже успевали не только закончить десятилетку, но и устроиться на работу, обзавестись семьей и детьми. Теперь же «загребать» в ряды РККА стали молодых людей, не окончивших среднюю школу, с 18 лет и 8 месяцев, а окончивших ее могли призвать и вовсе в неполные восемнадцать. Таким образом, призывной возраст был понижен сразу на 1–2 года.

Одновременно с этим срок службы для младших командиров всех родов войск, а также для всех летчиков ВВС РККА увеличивался с двух до трех лет.

О слабом поле тоже не забыли. В новом законе говорилось, что в военное время и «в случае надобности» в армию и даже на флот могут быть призваны и женщины, имеющие медицинскую, специальную и техническую подготовку. Для школьников с 5-го по 7-й класс вводилась обязательная начальная военная подготовка, а в 8–10-х классах допризывная подготовка. Последняя должна была заменить собой всевозможные военные кружки и клубы.

Советские граждане, как и положено, с полным одобрением восприняли новость о всеобщей милитаризации. На всех предприятиях и в учреждениях огромной страны прошли митинги и собрания, на которых народ от мала до велика выразил желание немедленно пополнить ряды Красной армии, а при случае клялись всем миром встать на защиту Родины.

Радовались нововведениям и в средней школе № 14, что в Холодном переулке Свердловского района г. Горького. В передовом 9 «А» классе молодой комсомолец Олег Соколов считался отличником учебы и оборонной работы. Шутка ли, 15 лет, а у человека уже три оборонных значка! «Учащиеся нашей школы очень интересуются оборонной работой, но знания, получаемые в кружке, далеко не достаточны, – заявил Олег журналистам. – Я приветствую новый закон о всеобщей воинской обязанности. Он поможет нам вступить в ряды Красной армии вполне подготовленными бойцами». А отличник-десятиклассник Жора Плеханов дал обязательство изучать новые военные дисциплины только с пятерками и открыто вызвал на соревнование всех учащихся школы.

7 сентября, всего через неделю после начала войны, по всей стране состоялось торжественное празднование XXV Международного юношеского дня. Этот ныне позабытый праздник был установлен решением Бернской международной социалистической конференции молодежи в 1915 году «с целью мобилизации прогрессивной молодежи на борьбу за мир, против империалистической войны». После этого проводился в некоторых странах в первое воскресенье сентября.

В 1939-м праздник отмечался с особой помпой. Во-первых, тема войны приобрела особую актуальность, во-вторых, начавшаяся реформа призыва в армию больше всего касалась именно юношества. «Улицы города с раннего утра заполнила молодежь. Веселая, жизнерадостная, она наполнила этот день величавой торжественностью и красотой, – рассказывала пресса. – Льется песня за песней, играют оркестры, задорные танцоры соревнуются на лучшее исполнение гопака, пары кружатся в вихре вальса. Колонны со всех концов города движутся на площадь Первого Мая... Начинается шествие колонн. Впереди дети. Они несут портрет Сталина. Беспредельна любовь юношества к кормчему революции... В каждой колонне портреты боевых соратников вождя – товарищей Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. М., Калинина, Андреева, Жданова, Микояна, Хрущева,¹ Берия, Шверника».

Начавшееся в 11 часов тщательно срежиссированное действо соответствовало духу времени, то есть имело ярко выраженную милитаристскую направленность. В колонне одного района на автомашине двигалась импровизированная сопка Заозерная – символ недавних боев с «японскими самураями». Затем появилась танкетка другого района, за которой следовала колонна молодежи в противогазах. За ними прошли «летчики», раскрывшие возле трибуны огромный парашют. В колонне третьего района двигались мотоциклисты, а девушки фабрики № 5 Ждановского района в форме моряков пронесли макет яхты. Кагановичский район продемонстрировал отряд санитарок с красными крестами на белых повязках. Ну а замыкала шествие, в котором приняли участие 70 тысяч человек, колонна молодежи Ленинского района, которую возглавляла огромная бронзовая фигура Ленина на автомашине, зовущего вытянутой рукой вперед, к коммунизму.

¹ Так в тексте.

Наиболее масштабно Международный юношеский день 1939 года отмечался в столице. В огромном, невиданном шествии, по официальным данным, приняло участие 800 000 человек, чуть ли не каждый четвертый житель Москвы! Такого масштаба Красная площадь еще не видывала ни во время первомайских парадов, ни даже во время 20-й годовщины революции. Практически каждая организация и предприятие столицы выделило свою молодежную делегацию.

«Молодые стахановцы станкозавода имени Серго Орджоникидзе с гордостью несут макет ордена Трудового Красного Знамени, юные мастера искусств, работники Большого театра СССР – макет ордена Ленина, – сообщало ТАСС. – Уверенно, с сознанием своей силы, стройно идут молодые советские патриоты, граждане великой страны социализма, которым Сталинская Конституция обеспечивает незыблемые права – на труд, на отдых, на образование.

Идут рабочие, работницы и служащие автозавода имени Сталина, 1-го подшипникового завода имени Л. М. Кагановича, заводов «Серп и молот», «Каучук», «Геодезия», Трехгорной мануфактуры имени Дзержинского, фабрик «Парижская коммуна», имени Фрунзе, имени Калинина, «Красная роза», метростроевцы и железнодорожники, строители Дворца Советов, работники Академии наук СССР, студенты Московского государственного университета, Московской консерватории, школьники». Празднество длилось до самого вечера, при этом движение автотранспорта в столице было практически полностью парализовано, в ряде мест (у входов в метро и на подходах к ним) возникла массовая давка, а большей части участников пришлось добираться до своих районов пешком.

Шествия в провинции были не столь грандиозны, но тоже впечатляли. К примеру, в Алма-Ате и Хабаровске по улицам города прошло по 40 тысяч человек.

Международный юношеский день 7 сентября 1939 года в СССР сейчас уже никто и не помнит. Между тем это было, пожалуй, наиболее мощное и впечатляющее событие такого рода за всю советскую историю. Миллионы молодых людей по всей стране прошли по центральным улицам, символизируя единение партии с народом, любовь к вождю и готовность выполнить все решения партии. С пропагандистской точки зрения это, безусловно, был сильный и беспроблемный ход. При этом если празднование 1 Мая принято было символизировать тремя словами: «Мир. Труд. Май», то МЮД (так его официально именовали) 1939 года фактически олицетворял собой слова «Война. Армия. Сентябрь». Кстати, праздник отмечался до 1945 года, после чего был благополучно позабыт, как и многие атрибуты предвоенной политики.

Призывники пели и плясали

Новый закон «О всеобщей воинской обязанности», опубликованный в начале сентября 39-го, принимался, что называется, не про запас. Буквально через пару дней после его вступления в силу был объявлен и призыв в ряды Красной армии уже по новым правилам. А учитывая значительно и одним разом расширившийся призывной контингент, под ружье одновременно ставились сотни тысяч молодых людей.

Фактически, не объявляя открыто о своих военных приготовлениях, «мирный» Советский Союз начал массовую мобилизацию. Причем она имела свои ярко выраженные черты. Когда позднее, летом 41-го, народ поднимали на трудную борьбу с коварным врагом, в пропаганде превалировала хоть и шапкозакидательская («они скоро попятятся», «усмирим мракобесов» и т. п.), но все же «серьезная» и патетическая тематика. А вот в сентябре 39-го главным лейтмотивом было выбрано... всеобщее народное веселье.

«В светлую, просторную, уютно убранную комнату, где заседает призывная комиссия, входит молодой человек. Он весело отвечает на вопросы врача, осматривающего его плотное загорелое тело... На призывном пункте с раннего утра до позднего вечера не смолкали веселые, задорные песни... Братья-близнецы Александр и Виктор Новокрещеновы ждали дня призыва в ряды РККА как большого праздника... Веселые, празднично одетые пришли молодые патриоты на призыв» – так описывала советская пресса будни призыва (фактически мобилизации).

«– Ну как, Саша, приняли? – спрашивает слесарь Лысковского измерительного завода своего коллегу.

– В Военно-морской флот. Куда и мечтал... – отвечает ему Саша, после чего коллеги по работе радостно жмут друг другу руки».

«В радостный день, когда страна призывает вас выполнить священную обязанность советского гражданина, мы шлем вам с дальневосточных рубежей боевой красноармейский привет», – писали в газету бойцы Красной армии Н. И. Дмитриев и К. Г. Гуриков. В общем, радости, веселью не было конца.

Все призывные пункты были, словно в Новый год, 1 Мая или на выборах в Верховный Совет, украшены огромным количеством цветов, плакатами с улыбающимися комсомольцами и рабочими, а также макетами танков, самолетов либо крейсера «Аврора». Возле районных военкоматов играли оркестры, выступали артисты театров, проходили театрализованные представления. Как говорится, в армию как на праздник!

Еще бы, ведь не класть головы идем, а только служить и получать награды – романтика! Наша армия так сильна, что любые поползновения врагов раздавит в два счета. Тем более теперь сам Адольф Гитлер с нами...

«На призывной пункт Куйбышевского района пришел Серафим Глушенко, – рассказывал материал под названием «Проводы сына». – Будущего бойца Красной армии провожали родные и друзья детства. Они принесли с собой цветы и веселое оживление. Кто-то принес гармошку. Веселью не было конца: призывники пели, плясали. В разгаре веселья мать Серафима Глушенко попросила слова.

– Провожаем мы с отцом в армию третьего сына. Подрастает и четвертый. Мы очень рады, что вырастили защитников родины. Иди, милый сынок, защищай советские рубежи!

Обращаясь ко всем призывникам, она дала им свой наказ – верно служить трудовому народу».

В действительности «праздничная» мобилизация совсем не случайно шла ускоренными темпами. Ибо в сентябре 39-го весь мир впервые узнал, что такое блицкриг. Несмотря на упорное и героическое сопротивление довольно многочисленной польской армии, германские

дивизии продвигались фантастически быстрыми темпами. И уже к середине месяца судьба Польши фактически была предрешена.

В связи с этим советскому руководству пришлось досрочно запускать следующий этап спектакля под названием «Мы за мир». 14 сентября на передовицах «Правды» появилась статья «О внутренних причинах военного поражения Польши», которую все местные газеты перепечатали на следующий день. Из коей выяснилось, что Польское государство в основе своей гнилое и разобщенное. А все потому, что поляки, живущие преимущественно на западе страны, не предоставили востоку, населенному в основном украинцами и белорусами, автономии, равноправия, не сделали украинский язык вторым государственным и т. п. Одним словом, не провели «федерализацию».

«Казалось бы, что правящие круги Польши должны были наладить с такими крупными национальными меньшинствами нормальные отношения, обеспечить за ними национальные права, дать им хотя бы административную автономию, если не политическую автономию, дать национальные школы, культурные учреждения и т. п. Ибо ясно, что без обеспечения таких или подобных им национальных прав для национальных меньшинств невозможно сохранить многонациональное государство, невозможно обеспечить его внутреннее единство и жизнеспособность, – сообщала «Правда», которая, по словам Сталина, «никогда не врет». – Свое господство над национальными меньшинствами правящие круги Польши поддерживают карательными экспедициями, полевыми судами, белым террором, разжиганием межнациональной розни».

Казалось бы, какое отношение имеет белый террор к 1939 году, когда никаких «белых» и «белогвардейцев» давно и в помине не было? В действительности эта вставка как бы делала отсылку к событиям Гражданской войны, во время которой Красная армия потерпела сокрушительное поражение от поляков. То есть белые, мол, победили, и все это время белый террор в стране как бы продолжался. То есть «если вдруг» наши войска войдут в Польшу, то будут иметь дело не столько и не только с поляками, а с недобитыми белогвардейцами, что превращало эту миссию в продолжение давно минувшей Гражданской войны.

Ну а в продолжение сказанного в 5 часов утра 17 сентября советские войска перешли границу Польши, дабы освободить братьев. «12 часов 30 минут. Смолкли песни. Тишина. Все собрались слушать речь по радио товарища Молотова. Лица напряжены. В сердце западает каждое слово и рождает на щеках яркий румянец. Взгляд наполняется радостью. Как все просто и величественно! Все понятно. Товарищ Молотов сообщает о вступлении советских войск на территорию Польши для освобождения братьев-украинцев и братьев-белорусов», – писала «Горьковская коммуна».

И снова радости, веселью и песням не было конца. На всех предприятиях, во всех районах, в колхозах и деревнях прошли митинги, на которых трудящиеся горячо одобряли «мудрое решение» советского правительства. Так, бригадир В. Сеницын из колхоза Арзамасского района бегом побежал в сельсовет, куда подвозили свежие газеты. А заполучив пару номеров, сразу помчался на лошади в поле к звеньям, убирающим картофель. «Товарищи! Наши войска вошли в Польшу!» – радостно кричал он прямо на скаку. А в обеденный перерыв все колхозники собрались на коллективную читку. «Ну и правильно! А то ишь какие гады эти паны, столько лет над украинцами измывались», – доносилось из толпы.

«На митинг, посвященный обсуждению речи главы Советского Правительства тов. В. М. Молотова, собралось свыше 3 тыс. человек, – сообщалось из Уреня, небольшого города, расположенного среди глухих лесов в районе реки Ветлуги. – На площадь Революции организовано, стройными колоннами пришли колхозники и колхозницы, служащие предприятий и учреждений, рабочие МТС, ученики и учащиеся средних школ. С речами выступали представители партийных, советских, комсомольских организаций, представители интеллигенции, призывники.

– С огромной радостью мы идем в ряды Красной армии, – заявил от имени призывников т. Чекалов. – Достоинно будем выполнять почетную обязанность гражданина Советского Союза. От имени призывников я приветствую внешнюю политику Советского правительства. Своей речью тов. Молотов выразил волю всего советского народа. Нет сомнения, что наша Красная армия покажет всему миру героизм и бесстрашие и достойно выполнит задание Сталинского ЦК и Советского правительства.

Митинг принял резолюцию, горячо одобряющую внешнюю политику нашего правительства».

Характерно, что «одобрения» политики партии шли вперемешку с сообщениями о призыве в Красную армию. Этот факт доказывает, что ввод советских войск в Польшу воспринимался именно как начало войны, а отнюдь не как мирное шествие. Обращает на себя внимание и тот факт, что призыв проходил вовсе не в стенах военкоматов, как это по идее должно было быть! А в дворцах культуры и других общественных заведениях. Это должно было придать дополнительную торжественность и праздничность данному событию. В армию шли прямо как на выборы в Верховный Совет СССР. «Кулебакский дворец культуры, где разместился призывной пункт, выглядит празднично, – рассказывала статья «Прекрасное пополнение». – На стенах – портреты руководителей партии и Правительства, диаграммы, плакаты и лозунги. В лекционном зале агитаторы и пропагандисты читают лекции, проводят беседы. Призыв в Красную армию – радостная пора для молодежи. Десятки крепких, жизнерадостных сынов нашей родины ежедневно проходят призывную комиссию. И у всех одно желание – встать в ряды Красной армии, верой и правдой служить своему народу.

К столу призывной комиссии подходит крепкий, мускулистый призывник. Это помощник машиниста Кулебакского металлургического завода т. Новиков. Он долго готовился к призыву, сдал нормы на все оборонные значки. Тов. Новиков просит зачислить его в войска НКВД. Просьба т. Новикова удовлетворена. Тов. Корсаков, недавно окончивший школу ФЗУ, работает электрослесарем на заводе имени Кирова. Он стахановец, выполняет нормы на 270 проц. С радостью тов. Корсаков выслушивает решение комиссии, признавшей его годным к строевой службе».

Помимо оборонных значков страну буквально завалили новости о сдаче норм на значок ГТО (Готов к труду и обороне). «Колхозная молодежь проявляет огромный интерес к сдаче норм на значок ГТО первой степени, – писала пресса. – К 1 сентября годовое задание по сдаче норм физкультурными коллективами колхозов выполнено на 180 процентов. Нормы сдали 3668 колхозников... В колхозе имени Сталина задание по сдаче норм перевыполнено в три раза».

В следующие дни граждане с волнением слушали радио и буквально давились в очередях за свежими газетами, в которых публиковались сводки с фронта. Последние состояли в основном из четырех частей.

В первую очередь сообщалось о невыразимой радости и счастье, которые испытывают жители Польши во время прихода советских войск: «Какими словами передать восторг и радость крестьян Западной Украины, встречающих наши части! Взрослые и дети обнимают и целуют бойцов и командиров, и каждый крестьянин хочет оказать какую-нибудь помощь Красной армии. Близ Ровно, когда командир танка тов. Герашенко поблагодарил крестьян за помощь, крестьянин Марчан обнял его и крепко поцеловал... В местечке Корец навстречу частям Красной армии вышло все население от малых детей до стариков. В руках у многих хлеб, живые цветы, некоторые несут вырезанные из газет портреты товарища Сталина. Шестидесятилетняя старушка Баранова, вышедшая навстречу бойцам с красным флажком, еле сдерживая радостное волнение, сказала:

– Настал конец нашей бедности и обездоленности. Мы, жители Западной Украины, благодарны Красной Армии, которая освобождает нас от угнетения, от произвола польских панов. Да здравствует Красная Армия!»

Во-вторых, сообщалось о бесконечной поддержке войны колхозниками и рабочими, которые, пользуясь случаем, еще и давали обязательства перевыполнять план и бороться со всякого рода враждебными элементами: «Члены сельхозартели имени Войкова заявили, что они не потерпят в своих рядах людей, занимающихся спекуляцией».

Попутно пропаганда подчеркивала, что все это не просто освободительный поход, а самая настоящая война: «Три часа шел ожесточенный бой с поляками за разъезд Житочное. И вот командир роты коммунист А. И. Сорокин крикнул: «Вперед! За Сталина!» Блеснули десятки штыков, громкое «Ура!» разнеслось над лесом. В результате стремительной атаки польские солдаты разбежались...»

Ну и еще одним, так сказать, трендом стали «фронтовые» поездки 1-го секретаря ЦК Компартии Украины и по совместительству члена Военного совета Украинского фронта Никиты Хрущева: «17 сентября тов. Н. С. Хрущев посетил Подволочисск и селение Каменка, где был радушно встречен ликующим народом. Тов. Н. С. Хрущев беседовал с жителями Подволочисска и Каменки, которые спрашивали о жизни в Советском Союзе и выражали горячую благодарность советскому народу за освобождение их от гнета польских панов... Товарищ Хрущев посетил города Дрогобыч, Борислав... Товарищ Хрущев посетил нефтеперегонный завод и договорился с рабочими о том, как быстрее восстановить производство...» В общем, всюду, и тут и там, посланец Сталина товарищ Хрущев в первых рядах «освобождает» Польшу.

Кстати, в некоторых поездках Никиту Сергеевича сопровождал и сам командующий Украинским фронтом командарм 1-го ранга Семен Тимошенко: «Товарищ Хрущев побеседовал с крестьянами о трудной жизни при польских панах... Везде беседы товарища Н. С. Хрущева и С. К. Тимошенко с населением заканчивались приветственными лозунгами и радостными возгласами ликующего населения...» Оно и понятно, в это время командарму больше и делать-то было нечего, никакого организованного сопротивления польская армия не оказывала. По иронии судьбы Хрущеву и Тимошенко еще придется повоевать вместе. Апофеозом деятельности их тандема станет харьковский разгром мая 1942 года, фактически открывший немцам дорогу к Волге и Кавказу. Но до тех событий еще было далеко, а пока товарищи Хрущев и Тимошенко «радостно» разъезжали по городам и весям Восточной Польши.

Вообще, интересная была штука эти «пакты о ненападении». В полдень 17 сентября 1939 года товарищ Молотов фактически торжественно объявлял народу о том, что СССР нарушил советско-польский договор о ненападении от 25 января 1932 года, который действовал до конца 1945 года. Ну а менее чем через два года он же и тоже в полдень, только не столь торжественно, объявил, что нынче уже Третий рейх вероломно нарушил советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Собственно, именно тогда и закончилось то самое всеобщее «веселье»...

Мир менялся на глазах

Прошел год. За это время с карты Европы фактически исчезло множество государств. Страны, еще не так давно смеявшиеся над Третьим рейхом и «Советами», подписывавшие всевозможные договоры и пакты, попросту перестали существовать. Мощь Германии росла на глазах, по сути, у Гитлера остался всего один серьезный противник – Великобритания. Ну а на востоке Советский Союз только что пополнился несколькими новыми республиками. Старый мир рушился буквально на глазах, и происходившее порой напоминало сюжет какой-нибудь популярной фантастической повести вроде «Гиперболоид инженера Гарина» или «Война миров».

«Мир меняется», – говорил маг-предатель Саруман своему «шефу» – темному властелину Саурону – в культовом фильме «Властелин колец» по поводу разгоравшейся войны за Средиземье. Примерно так можно охарактеризовать события, происходившие осенью 1940 года. Советские газеты в это время чуть ли не ежедневно публиковали речи фюрера! «В настоящее время закончился первый этап войны, – сообщала заметка с недвусмысленным названием «Речь Гитлера». – Успехи в этом первом году были исключительными...» Остановившись затем на огромных территориальных успехах германской армии, Гитлер указал, что эти успехи еще возрастут в силу того, что Италия захватила в свои руки инициативу в Восточной Африке. Гитлер подверг резкой критике английскую военную пропаганду, которая каждое поражение Англии пыталась изобразить как успех и победу. Так, говорит Гитлер, бегство из Дюнкерка, которое англичане изображали как величайшую победу, является, с нашей точки зрения, позорнейшим поражением. То же самое, сказал он далее, английская пропаганда говорила и во время военных операций в Польше, Норвегии и, наконец, во Франции. Попутно газеты смаковали подробности начавшихся массированных налетов люфтваффе на Лондон и немецкие комментарии, что это лишь «возмездие» за британские бомбардировки мирных немецких городов. «Германское информационное бюро приводит сводку верховного командования германской армии. Налеты нашей авиации на особо важные объекты Лондона, начавшиеся в ночь на 7 сентября, продолжались более крупными силами днем и в ночь на 8 сентября, – сообщало ТАСС. – Эти налеты являются ответом за продолжившиеся в последнее время налеты английской авиации на жилые кварталы и другие невоенные цели Германии. Рейхсмаршал Геринг лично руководит всеми операциями из Северной Франции. Производя непрерывные налеты, германские самолеты сбросили на портовый и промышленный район Темзы более 1 млн различных бомб».

Не менее пафосными были сообщения ТАСС в последующие дни. «Величайшая битва за Лондон продолжается», – пишут сегодня все германские газеты. Печать подчеркивает, что усиление воздушных нападений на Лондон является новой фазой дальнейшего развития войны между Германией и Англией», – сообщало агентство 10 сентября. «...Англия сейчас переживает войну, которой она не знала в течение столетий, – рассказывала «Горьковская коммуна». – За последнюю неделю в Лондоне было зарегистрировано 1666 пожаров, 40 раз население Лондона было вынуждено скрываться в убежищах и находиться там иногда по 9 часов».

Примечательна также перепечатанная большинством советских газет заметка под названием «Перелет польских летчиков на сторону немцев»: «Во время воздушной атаки на Берлин один из английских самолетов, участвующих в налете, удалился в сторону и затем неожиданно стал связываться по радио с варшавским аэродромом, где он вскоре приземлился. Оказалось, что экипаж состоял из польских летчиков армии Сикорского, которые заявили, что они нарочно добились участия в налете на Берлин, чтобы вернуться на родину, и что они готовы сообщить немцам все военные сведения, им известные, об английской армии, если только их отпустят на свободу. Германские власти на это согласились». Подобные «сенсации» имели как

бы двойное назначение. С одной стороны, показать, что со стороны британцев в войне участвует всякий «сброд», с другой, показать общественности, что даже в оккупированной немцами части Польши полякам живется не так уж плохо. И они бегут туда из пока еще свободной Англии!

Также характерно, что британские официальные сообщения тоже печатались во всех газетах, чтобы у читателей возникало ощущение некой объективности. Однако германские сводки и речи Гитлера всегда ставились первыми и приводились более подробно. Так что опровержения «оппонентов» выглядели не очень убедительно и порой даже смешно. Очевидно, что на сей счет все советские СМИ имели четкие и недвусмысленные инструкции, каким образом надо освещать события войны.

Среди прочего советские газеты напечатали и разговор фюрера с рейхсмаршалом Герингом: «В Англии заявили, что война будет продолжаться три года, что Англия уже сейчас делает ставку на трехлетнюю войну. Я сказал тогда рейхсмаршалу: «Геринг! Готовь все на 5 лет!» Мы действовали таким образом вовсе не потому, что я думаю, что война продолжится 5 лет. Однако, заявил Гитлер, что бы ни случилось, Англия будет разгромлена». Также газеты писали о том, что Германия неоднократно выступала с разными «мирными инициативами», однако теперь единственный выход – «устранение режима поджигателей войны». А этими поджигателями, естественно, был не он и его союзники, а Великобритания, Франция и К°. В тот момент «пророчеству» Гитлера о том, что война продолжится 5 лет, никто конечно же не придал никакого значения. Как говорил голос за кадром в фильме «Семнадцать мгновений весны», народ тогда еще не знал того, что так оно и будет, как и того, что всего через год скрываться в убежищах будут уже жители Москвы, Ленинграда, Киева и других городов...

Ну а в тот момент страна все еще продолжала жить гигантоманскими планами. В центре Москвы на месте взорванного храма Христа Спасителя уже вовсю возводился огромный Дворец Советов, который, по замыслу архитекторов, должен был стать крупнейшим зданием всего мира. В Советском Союзе тех лет любые «мегапроекты» были в приоритете. В то время как большая часть населения ютилась в бараках, «засыпушках» и старых домах, отнятых у капиталистов, страна не щадила сил и средств на помпезные дворцы труда, циклопические здания управлений НУВД и высоченные памятники Ленину и Сталину.

Осень 1940 года не стала исключением. В прессе был опубликован проект, подготовленный группой инженеров-экономистов Академии наук во главе с инженером Комаровым. Согласно ему в СССР планировалось построить новую железнодорожную сеть, связывавшую производительные районы страны широтными и меридиональными магистралями «первостепенного значения». Этот план, конечно же, был невероятно грандиозным и, как и все подобные проекты тех лет, буквально поражал воображение обывателя! Одних только огромных паровозов требовались тысячи и тысячи. География и протяженность магистралей также поражала фантазию:

- Ленинград – Киров – Свердловск – Кузбасс;
- Индига (Ледовитый океан) – Сыктывкар – Киров – Котельнич – Горький – Донбасс;
- Москва – Арзамас – Свердловск – Кузбасс;
- Индига – Сыктывкар – Киров – Зеленый Дол (Казань) – Пенза – Донбасс – Сталинград;
- Горький – Пенза – Сталинград;
- Западная граница – Москва – Горький – Шемордан – Кузбасс.

Последний проект наиболее примечателен тем, что первая точка в духе времени была указана обтекаемо. Ибо тогда, в сентябре 1940 года, было неизвестно, где именно будет вскоре проходить эта «западная граница», которая всего за один год сместилась от Минска и Пскова к Бресту, Белостоку и берегу Балтийского моря. Может быть, в Варшаве или Берлине или на берегу Атлантического океана?!

Тем более понятие «государственная граница» в Европе в 1940 году вообще приобрело весьма условный, но уж точно не священный смысл. Помимо постоянных захватов и присоединений на население свалилась целая куча сообщений о всевозможных договорах и «третейских судах». 2 сентября было опубликовано решение о передаче части румынской Трансильвании в состав Венгрии. «Как отмечает венгерская печать, территория, отходящая к Венгрии, имеет большое хозяйственное значение, – сообщало ТАСС. – Венгрия получает 22 города. На отходящей к Венгрии территории лес занимает 1600 тыс. гектаров... Особо отмечается значение индустриального центра Клужа и местности вокруг Бая-Маре, где сильно развито горное дело, имеется крупная химическая фабрика, свинец, золото и т. д.». Румыны же происшедшим, понятное дело, остались недовольны: «Мы не можем поверить, что это правда: нам так трудно понять происшедшее, – приводило ТАСС слова румынского журналиста Лугошану. – Разрывая на два куска Трансильванию, делят не только землю государства, но вместе с ней хоронят и вековую румынскую историю и надвое рубят сердце народа-неудачника». Но, как говорится, было ваше – стало наше!

А уже 8 сентября все СМИ сообщили о новых территориальных изменениях в Европе. На сей раз речь шла о «добровольной передаче» Румынией Южной Добруджи в состав Болгарии. Эта «исконная» болгарская провинция вошла в состав Румынии после Первой мировой войны, а формальным поводом для претензий были массовые притеснения местного славянского населения. Понятно, что за двадцать лет там кое-что построили, а население разжилось кое-каким имуществом. Но не беда! На сей случай румыно-болгарский договор предусматривал компенсацию в размере 1 миллиарда лей за капиталовложения, произведенные на передаваемой территории, и за расходы румынского государства по обмену населения. А что до народа, то в течение трех месяцев был намечен обязательный обмен румынского населения Южной Добруджи на болгарское население Северной Добруджи. Кроме того, в отношении населения других районов обеих стран была предусмотрена добровольная эмиграция в течение года. В общем, полное торжество идей Гитлера о национальной идентичности! Все румыны пусть живут в Румынии, а болгары – в Болгарии. Ну а местные «фюреры» вроде адмирала Хорти и царя Бориса могли смело выступать перед радостным народом с речами о том, как они мирно и без кровопролития вернули на родину «исторические земли».

Сама «добровольная передача» территории выглядела так: 15 сентября в Добруджу прибыли представители гражданских властей и заняли административные и общественные учреждения, а уже в 09:00 20 сентября болгарские войска перешли границу и в течение 10 дней заняли всю территорию Южной Добруджи.

На этом фоне и присоединение Молдавии к СССР вовсе не выглядело какой-то там «агрессией», как это сейчас пытаются представить некоторые деятели. Напротив, вполне пристойное взятие под защиту братского народа и возвращение исконной земли. И вообще, чем мы хуже венгров и болгар?! Да и станция с открытым названием «Западная граница» в контексте времени также не выглядела намеком на некие территориальные захваты.

А что до широтных и меридиональных железнодорожных магистралей, то эти проекты планировалось осуществить уже «вскоре», точнее, в следующей – IV пятилетке (1943–1947).

Глава 2

Конец «дружбы народов»

«Отвратительная гадина напала из-за угла»

22 июня 1941 года. День, которого и ждали и не ждали. Это потом в советских фильмах и художественных произведениях весть о начале войны с нацистской Германией будет изображаться как «гром среди ясного неба», а в книгах про «мирное социалистическое строительство» появятся заголовки типа «Оборвалось внезапно». На самом деле, несмотря на неистовство сталинской пропагандистской машины, убеждавшей народ, что войны не будет и «все это слухи, распространяемые империалистами», люди за годы советской власти научились распознавать сигналы сверху и читать между строк. Если партия из всех труб трубит, что все хорошо, значит, где-то у нас провал и кризис. Если на каждом углу орут, что войны не будет, значит, запасай соль и спички.

О приближении войны знали и к ней готовились. Характерный пример, записи в личном дневнике профессора Николая Добротвора² – интереснейшем документе времен войны:

«19 июня. Четверг. Горький.

Отпуск приближается. Но как, куда ехать. События нарастают. Очень пахнет войной, можно сказать, разразится на днях. А так хочется отдохнуть. Устал чрезвычайно.

20 июня. Пятница.

Крутится, вертится жизнь. Нет сейчас в ней устойчивой точки. Завтра же могут быть такие изменения, которые все сломают, взорвут любовь, посеют ненависть, разрушат надежды, раздавят цветы радости. Все придет в оболочке неожиданностей. Это – не пессимизм, это констатация того, что есть... Газета «Правда» от 19.06.41 г. Передовая «Правды» названа «Летний отдых трудящихся». А будем ли мы отдыхать в этом году? Погода легла на летний курс. Тепло. Наконец-то».³

Излом, который произошел в жизни миллионов граждан нашей страны в тот трагический месяц, хорошо виден в строках газет. О событиях войны между нашими «германскими партнерами» и Англией рассказывалось в них как бы со стороны, словно о футбольных матчах. И нас это вроде бы не касалось. Горьковская область наслаждалась мирной жизнью. 13 июня было опубликовано знаменитое сообщение ТАСС, опровергающее слухи о скором начале войны. В нем, в частности, говорилось: «По данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать Пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Слово фашизм нигде не употреблялось, а Гитлер был чуть ли не другом советского народа.

² Добротвор Н. М. (1897–1967) – доктор исторических наук, профессор. Настоящая фамилия Александров. Родился в Туле. В 1917 г. вступил в Компартию, затем участвовал в Гражданской войне в качестве военного журналиста, был редактором газет «Красный стрелок» и «Таврическая правда». В 20-х гг. работал корреспондентом газеты «Правда» по Тульской области. В 1933 г. закончил Институт красной профессуры, защитил кандидатскую диссертацию. В 1933–1935 гг. работал зав. кафедрой истории Института марксизма-ленинизма в Самаре, затем переехал в Горький, где трудился в местном Институте марксизма-ленинизма и Педагогическом институте.

³ *Забвению не подлежит*: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Кн. 3. Н. Новгород, 1995. С. 512.

Утром рокового дня горьковчане еще не подозревали о том, что их жизнь уже разделена невидимой нитью на до и после 22 июня. Телевидения тогда не было, радио, как обычно, транслировало песни о веселой жизни, а напечатанные ночью газеты сообщали лишь о вчерашних новостях. Так, «Ленинская смена» писала о сборе металлолома автозаводскими комсомольцами, работе юных археологов, а также отмечала 20-летие Марийской автономной ССР.

В полдень на площади Советской (ныне Минина) как раз финишировали участники мотоциклетного пробега. И вот здесь-то собравшиеся поприветствовать мотоциклистов жители города Горького и услышали радиообращение наркома иностранных дел Вячеслава Молотова о нападении Германии на нашу страну. Однако никакого шока у собравшихся это не вызвало, так как к сообщениям о тех или иных военных конфликтах с участием СССР за предшествующие годы уже привыкли. Наоборот, по свидетельству очевидцев, преобладало шапкозакидательское и оптимистическое настроение. К примеру, очевидец событий Семен Лозинский рассказывал: «Никакого трагического упадка в первые дни войны не было. Народ ходил по улицам и самоуверенно распевал похабные песни в духе «Не успеет Гитлер «переспать» с женой, как мы возьмем Берлин» и т. п. Все были уверены, что наша армия за считанные дни сметет немцев и победит».

Затем в течение дня уже главный диктор советского радио Юрий Левитан несколько раз повторил радиообращение Молотова. Правда, привычных по художественным фильмам слов «Началась Великая Отечественная война» там, естественно, не было, да и тон голоса был совсем другой. Дело в том, что передачи Левитана в годы войны реально никто не записывал, а их современное звучание было надиктовано им уже в 50-х годах...

На второй день войны все СМИ опубликовали первую сводку главного командования Красной армии: «С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Со второй половины дня германские войска встретились с передовыми частями полевых войск Красной армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в Гродненском и Кристыпольском направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец, первые два – в 15 км, а последнее – в 10 км от границы. Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику». Эта же сводка звучала и по радио. Ее читал Левитан, и в дальнейшем именно от него страна узнавала о событиях на фронте.

Все жители страны на протяжении войны были уверены, что басистый диктор находится в Москве и лично общается со Сталиным. Однако это миф! В действительности радиосигнал шел не из столицы, а, наоборот, с востока. Уже осенью 1941 года Левитан в обстановке строжайшей секретности был эвакуирован в Свердловск (ныне Екатеринбург). Вести вещание из столицы к этому времени стало технически невозможно: все подмосковные радиовышки были демонтированы, поскольку являлись хорошими ориентирами для немецких бомбардировщиков. Сигнал из свердловской студии шел по кабелю на самый мощный в стране ретранслятор, расположенный на окраине Свердловска, у озера Шарташ. С марта 1943 года Юрий Левитан переехал в Куйбышев (Самара), и сводки о победоносном наступлении Красной армии передавались уже оттуда.

«Каждый советский человек ясно отдаёт себе отчет в том, за что он будет вести борьбу с отвратительной гадиной фашизма, нападающей разбойнически, из-за угла, на Советский Союз, – буйствовала газета «Ленинская смена», цитируя пламенные речи с многочисленных митингов. – Глубокое возмущение вызывает подлейшее нападение на нашу страну предателя и врага всех трудящихся, кровожадного фашистского пса – Гитлера... Мы готовы дать сокру-

шительный отпор бандитам. Благодаря постоянной заботе товарища Сталина Советский Союз превращен в неприступную крепость...

– На нас напали, – сказал плотник Верховский с трибуны. – Напали предательски, как только могут фашисты, эти кровавые свиньи. Ну что ж, они испытают силу советского народа».

Попутно публиковались патриотические рассказы о десятках добровольцев, которые (в отличие от нынешней молодежи) не ждали повестки из военкомата, а сами бежали туда с заявлениями:

«Они шли с разных концов города. Шли хорошо знакомыми улицами – с новыми домами, молодыми, принявшимися садами, осторожно обходили игравших на тротуарах детей. Хорош родной дом, хорошо высокое небо, под которым так легко дышится, хороша земля, по которой уверенно ступает нога. Встретились в дверях. Юноша уступил дорогу – дал пройти вперед человеку с седыми висками. К дежурному красноармейцу оба обратились с одним вопросом:

– Где нам видеть военного комиссара?

– Здесь, – ответил дежурный. – Только придется обождать. Военный комиссар занят – от добровольцев заявления принимает.

– Значит, не мы первые. Жаль.

Человек с седыми волосами сел на стул в некотором расстройстве.

– А я-то спешил... Вы, наверное, тоже по этому делу? – обратился он к сидящему рядом юноше, с которым встретился в дверях.

– По этому же самому, – охотно подтвердил юноша: он уже разглаживал на коленях заявление...

Они рассказали друг другу о себе с такой доверчивостью, которая устанавливается между людьми, объединенными одним делом, одними думами. Николай Николаевич в первую империалистическую войну провел несколько лет в окопах, получил тяжелое ранение, и ногу пришлось отнять.

– Вы, молодой человек, я замечаю, смотрите с сомнением на меня... С обоими ногами воевать, конечно, удобнее. У вас в этом отношении преимущества явные. Но у меня опыт. Нам бы вместе с вами, вот бы хорошо.

– Я танкист запаса. Старший механик танка. – Парень улыбнулся горделиво. – Умная машина. С такой машиной никакие преграды не страшны. Эх, уж и подавлю я фашистскую нечисть! Поганее фашиста нет на свете... Расстреливать в упор и гусеницами давить...

Юноша-комсомолец Владимир Гушин и уже немолодой человек, много испытавший в своей жизни Николай Николаевич Малиновский вошли в кабинет, зажимая в руках заявления, в которых настоятельно просили зачислить их в действующие части Красной армии... Много таких заявлений патриотов советской отчизны было подано вчера в военкомат Свердловского района».

В первые дни войны мало кто в СССР думал, что боевые действия вскоре примут столь драматичный для страны оборот. «И линкоры пойдут, и пехота пойдет!» – пелось в предвоенных песнях. На парадах и в киножурналах люди видели тучи самолетов, грозные стволы сотен орудий и лязгающие гусеницами многобашенные танки. Настроение народа опять же хорошо отражает дневник профессора Добротвора:

«22 июня. Воскресенье. 1-й день советс. – герм. войны.

Величайший исторический день! В 2 часа дня нарком иностранных дел и зам. Председателя СНК СССР т. Молотов выступил с сообщением... Когда я об этом узнал, то ничего не мог делать, мысль только о войне. Эту войну мы ждали. Она – не неожиданность. И все-таки как-то не верится, что уже война...

23 июня. Понедельник. 2-й день сов. – герм, войны.

...Опубликована наша первая военная сводка. На фронте от Балтийского до Черного моря мы сдержали натиск германских полчищ. Германские войска заняли 3 селения, углубившись на 10–15 км от границы. Мы сбили 65 немецких самолетов...

24 июня. Вторник. 3-й день войны.

Как во сне жизнь. Прямо не верится, что война. Да еще какая! Какой никогда не бывало в мире. Война за социализм, за отстаивание уже построенного социализма. Речь идет о существовании советской власти... У всех полная уверенность, что мы победим. Не можем не победить».⁴

Обилие эпитетов и фразеологизмов, обличающих фашизм, еще вчера бывший дружественным и в одночасье ставший «отвратительным» и «коварным», наводит на одну мысль. Все политические формулировки для прессы и матрицы для правильного освещения тех или иных событий утверждались на самом вершине. Между тем война началась утром 22 июня. «На местах» о ней узнали ближе к обеду, а газеты сдавались в печать вечером. За столь короткий срок редакторы просто физически не могли получить соответствующие инструкции и успеть сверстать номера по новым стандартам. Поэтому складывается впечатление, что инструкции на случай ожидавшейся войны с Германией были подготовлены для СМИ заранее. В час «X» оставалось лишь вскрыть конверты, взять готовые формулировки, и вперед!

Это предположение лишний раз доказывает, что партийное начальство о предстоящей войне знало, причем Германия вовсе не обязательно должна была напасть «подло» и «внезапно». Ведь в любом случае война, к которой готовилась Красная армия, должна была начаться с коварных «провокаций на границе». Предполагалось, что «фашисты» организуют какую-нибудь перестрелку, как за полтора года до этого финны, после чего наши непобедимые войска погонят врага на запад. Поэтому в первые недели конфликта никому и в голову не приходило называть начавшуюся войну «отечественной» и уж тем более «великой».

⁴ *Забвению не подлежит.* С. 513.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.